

Научная статья

УДК 378.4:316.4

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.4>

EDN CDRCDA

Анализ доходов российских университетов: проблема прозрачности**Евгений В. Романов¹**¹ Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,

г. Магнитогорск, Россия

e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

Аннотация.

Введение. Проблема финансового обеспечения вузов может быть рассмотрена в социологическом контексте, поскольку ее решение детерминирует социальные изменения, связанные с кадровым производством/воспроизводством и проблемой социальной справедливости. Цель исследования состоит в проверке гипотезы о том, что между совокупными бюджетными/внебюджетными доходами вузов и доходами от образовательной, научно-исследовательской (НИР) и интеллектуальной (РИД) деятельности может существовать «разрыв», размер которого определяется спецификой финансирования вузов.

Методы. Информационную базу исследования составляли результаты мониторинга эффективности деятельности вузов, вошедших в топ-20 предметного рейтинга по экономике за 2025 год (период 2017–2015 гг.); анализировались данные: а) об удельном весе средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности; б) о доходах вуза от образовательной деятельности и НИР; в) о совокупном приведенном контингенте студентов и приведенном контингенте по УГН 38.00.00 «Экономика и управление». Использовались теоретические методы исследования: анализ (литературы по проблеме исследования, материалов сайтов), сравнение и обобщение, индукция, синтез.

Результаты и их обсуждение. На основе анализа результатов финансовой деятельности вузы были разделены на две группы в зависимости от доли доходов от научных исследований и разработок (НИР) в общих доходах вуза: а) доля доходов от НИР превышала 10%; б) доля доходов от НИР – менее 10%. В свою очередь каждая группа была разделена на подгруппы в зависимости от суммарных значений доходов от трех видов деятельности, отраженных в мониторинге: образовательной (основой), научно-исследовательской, интеллектуальной. На основе разработанного авторского алгоритма определяются два вида «разрывов»: «бюджетный» и «внебюджетный» – разность между доходами вуза от совокупных бюджетных/внебюджетных ассигнований и доходами от бюджетных/внебюджетных ассигнований образовательной деятельности и НИР. Мониторинг эффективности вузов не дает ответа, каким образом «заполняются» указанные «разрывы». Наличие такой информации делало бы более прозрачной картину бюджетного и внебюджетного финансирования вузов, минимизировало возможные

злоупотребления (включая коррупционную составляющую) при распределении финансовых ресурсов. Предлагается в соответствующие разделы мониторинга включить информацию обо всех источниках финансирования вузов: государственные субсидии, доходы от деятельности эндаумент-фондов, управления собственностью и т.д. Это будет способствовать разработке эффективных финансовых стратегий в региональных университетах на основе обобщения опыта ведущих вузов и с учетом специфики их финансирования. В статье приведены данные, свидетельствующие о существовании проблемы кадрового воспроизводства у части финансово стабильных вузов. Это позволяет определить в качестве перспективы дальнейших исследований выявление зависимости между финансовым обеспечением вуза и кадровым воспроизводством.

Ключевые слова: предметный рейтинг вузов; структура доходов вузов; «бюджетный» и «внебюджетный» разрыв; прозрачность доходов; кадровое воспроизводство.

Для цитирования: Романов Е.В. (2026). Анализ доходов российских университетов: проблема прозрачности. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 54-79. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.4>

Revenue analysis of Russian universities: the problem of transparency¹

Evgeny V. Romanov¹

¹Nosov Magnitogorsk State Technical University

Magnitogorsk, Russia

e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

Abstract

Introduction. The problem of financial support for universities can be considered in a sociological context, since its solution determines social changes related to personnel production/reproduction and the problem of social justice. The purpose of the study is to test the hypothesis that there may be a "gap" between the total budgetary/extra-budgetary income of universities and income from educational, research (R&D) and intellectual (RID) activities, the size of which is determined by the specifics of university funding.

Methods. The information base of the study consisted of the results of monitoring the effectiveness of universities included in the top 20 of the subject rating on economics for 2025 (the period 2017-2015); data were analyzed: a) on the share of funds received by an educational organization from the use of intellectual property; b) about the income of the university from educational activities and research; c) the total number of students and the number of students in the enlarged group of areas 38.00.00 "Economics and Management". Theoretical research methods were used: analysis (literature on the research problem, website materials), comparison and generalization, induction, synthesis.

Results and its discussion. Based on the analysis of financial performance, universities were divided into two groups, depending on the share of income from research and development (R&D) in the total income of the university.: a) the share of R&D income exceeded 10%; b) the share of R&D income was less than 10%. In turn, each group was divided into subgroups depending on the total income from three types of activities reflected in the monitoring: educational (basic), research, intellectual. Based on the author's algorithm, two types of "gaps" are determined: "budgetary" and "extra-budgetary" - the difference between the university's income from total budgetary/extra-budgetary allocations and income from budgetary/extra-

budgetary allocations of educational activities and research. Monitoring the effectiveness of universities does not provide an answer as to how these "gaps" are "filled". The availability of such information would make the picture of budgetary and extra-budgetary financing of universities more transparent, and minimize possible abuses (including corruption) in the allocation of financial resources. It is proposed to include information on all sources of university funding in the relevant monitoring sections: government subsidies, income from endowment funds, property management, etc. This will contribute to the development of effective financial strategies in regional universities based on the generalization of the experience of leading universities and taking into account the specifics of their financing. The article provides data indicating the existence of a problem of personnel reproduction in some financially stable universities. This allows us to identify the relationship between the financial provision of the university and personnel reproduction as a prospect for further research.

Keywords: subject rating of universities; income structure of universities; the "budgetary" and "extra-budgetary" gap; income transparency; personnel reproduction.

For citation: Romanov E.V. (2026). Revenue analysis of Russian universities: the problem of transparency. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 54-79. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.4>

Введение

В современных условиях проблема создания эффективной системы финансирования вузов может быть рассмотрена в социологическом контексте, поскольку ее решение детерминирует социальные изменения посредством: а) подготовки востребованных кадров, необходимых для технологического «прорыва» в условиях турбулентной внешней среды и санкционных ограничений; б) создания необходимых условий для кадрового воспроизводства в высшей школе; в) разрешения (или сглаживания) противоречий между «богатыми» и «бедными». В совокупности это приводит к уменьшению безработицы (в идеале все выпускники востребованы рынком труда); обеспечивается проблема преемственности в передаче «спрессованного» человеческого опыта (опытные преподаватели передают явные и неявные знания молодым преподавателям); снижается социальная напряженность: в результате доступности образования процессы социализации обучающихся проходят более эффективно («проще и дешевле социализировать личность в вузе, чем в тюрьме»).

В этой связи представляются актуальными исследования, нацеленные на выявление особенностей финансового обеспечения российских университетов, степени прозрачности в получении и распределении бюджетных и внебюджетных доходов и корректного сравнения университетов по финансовым показателям их деятельности.

Некоторые итоги реформирования высшего образования в России

Анализируя итоги реформирования высшего образования в России, подавляющее большинство исследователей склонны их оценивать негативно. Как отмечал Е.В. Балацкий, российские реформы системы высшего образования (СВО) «беспрецедентны по масштабу и изощренности. В этом смысле их аналоги искать бесполезно» (Балацкий, 2014, 112). В данном исследовании были описаны два принципиально разных этапа регулирования СВО – «дерегулирование, которое привело к надуванию образовательного пузыря...», и гиперрегулирование, которое спровоцировало обвальное

высвобождение кадров из вузов. Если для первого был характерен дефицит регулирующих действий, то для второго – избыток активности регулятора» (там же).

М.В. Курбатова, рассматривая реформу высшего образования в России в качестве институционального проекта российской бюрократии, оценивает переход к новой системе оплаты труда (НСОТ) в 2008 году в качестве одного из ключевых элементов реформы, когда руководство вузов «из членов вузовского сообщества... превратилось в менеджеров и работодателей для сотрудников вузов» (Курбатова, 2016, 60). При этом стимулирующие выплаты ректорам макрорегулятором (Минобрнауки) «стали назначаться по министерским критериям не только без учета мнения вузовского сообщества, но и без его информирования» (Курбатова, 2016, 73).

По нашему мнению, в результате Министерство образования и науки «убило двух зайцев»: с одной стороны, обеспечило лояльность ректорского корпуса проводимым реформам, с другой стороны, у ректоров появился инструмент, позволяющий обеспечить лояльность ППС к преобразованиям внутри вуза» (Романов, 2024, 18).

Анализируя «провалы» институционального проектирования в процессе реформирования высшего образования, М.В. Курбатова с соавторами первые два «провала» связывает с попыткой трансплантации (импорта) зарубежных институтов (Курбатова и др., 2020). Присоединение России к Болонскому процессу (первый «провал») и попытки импортировать в отечественную систему высшего образования зарубежные модели управления (менеджеризм) (второй «провал») привели, по мнению Д.П. Фролова, к «атрофии трансплантированной европейской модели высшего образования и ее перерождения» (Фролов, 2016, 96). В известной степени данные «провалы» коррелируют и с не совсем удачными попытками внедрения «академического капитализма» в российскую высшую школу.

Концепция «академического капитализма» (Slaughter, Leslie, 1997, 2001; Rhoades, Slaughter 1997) предполагает стимулирование «рыночного поведения», которое состоит не только в конкуренции учреждений за источники финансирования, но и конкуренции между преподавателями (Slaughter, Leslie, 2001, 154) (здесь и далее перевод мой – Е. Р.). Следствием внедрения «академического капитализма» стало признание зарубежными исследователями потери университетским образованием своей сущности, его превращения в имитацию бизнеса (Donatiello, Gherardini, 2019; Hall, 2018). В частности утверждается, что «университеты переориентируются на служение рынку вместо служения общественному благу» (Holmwood, Marcuello Servós, 2019, 309), «теряется философия высшего образования как общественного блага, в равной степени доступного как для бедных, так и для представителей среднего класса, и для богатых студентов» (Somers et al., 2018, 37). Внедрение «академического капитализма» неизбежно приводит к «пролетаризации» преподавателей (Ellis et al., 2014) и прекаризации преподавательского труда, связанного с неполной занятостью (Comois, O'Keefe, 2015). В исследовании М. L. Spinrad с соавторами (2022) отмечается, что американские государственные университеты переняли бизнес-ориентированные практики и нормы, которые предполагают последовательное снижение затрат: «учреждения передали образовательные миссии на аутсорсинг преимущественно временным сотрудникам». В результате за последние два десятилетия число внештатных преподавателей составляет 70% от общего числа преподавателей (Spinrad et al., 2022, 912).

В работах E. Egen (2025), M. Poutanen (2023) исследуется проблема отчуждения ученых от результатов своего труда в результате «присвоения капиталом науки как общественного блага» (Poutanen, 2023, 85), отмечается, что «идентичность ученого начала уступать идентичности делового человека... Развитие науки в условиях господства капитализма и корпоратизации университетов таит в себе опасность искажения научных открытий и искажения объективной реальности (как природной, так и социальной) в угоду прибыли» (Egen, 2025, 298). В исследовании С. А. LaBrenz с соавторами подчеркивается, что подчинение, а не критическое участие становится новой нормой (LaBrenz et al., 2025, 46).

В контексте внедрения в отечественную образовательную систему «академического капитализма» (Романов, 2023) «в качестве обязательного механизма повышения эффективности высшей школы на передний план вышло участие вузов в конкурентной борьбе за более выгодные, приносящие дополнительные финансовые поступления, условия ведения образовательной деятельности» (Сенашенко, 2017, 9). В результате этого, по мнению В.С. Сенашенко, высшее образование утрачивает свои «родовые свойства» – **системность, фундаментальность, научность**.

Менеджеристская политика, проводимая в отношении науки, утратила научную обоснованность, что помимо прочего проявилось в намерениях финансировать исследования исключительно на конкурсной основе и стремлении развивать науку преимущественно в университетах, причём силами преподавателей (Тамбовцев, 2020, 28). Мы разделяем точку зрения В.В. Ковалева и А.В. Дятлова, что «менеджеризм разрушает профессиональную этику, превращает ученого в придаток сфальсифицированной бюрократической отчетности, коммерциализирует высшую школу, ведет к неэффективному использованию образовательных ресурсов, дезавуирует цели высшего образования» (Ковалев, Дятлов, 2024, 38). Как убедительно доказано в исследовании В.В. Ковалева и А.А. Беспаловой, менеджеризм стал важнейшим фактором снижения качества высшего образования (Ковалев, Беспалова, 2025).

Мы разделяем точку зрения, сформулированную в исследовании А.Г. Костерева и М.Ю. Кима: «Высшее учебное заведение (и тем более университет) – это не бизнес-инкубатор и не генератор стартапов, а центр продуцирования идей и смыслов, непосредственная монетизация которых целью его функционирования не является» (Костерев, Ким, 2025, 161-162). В известной степени в результате маркетинга российское высшее образование утратило эту функцию.

Как справедливо было отмечено М.А. Болговой и А.В. Подлегаевым, финансовые характеристики деятельности вуза «не являются критериальными, ибо получение финансовых ресурсов не может выступать самоцелью для высшего учебного заведения» (Болгова, Подлегаев, 2015, 117).

Нам представляется интересным вывод, который сделан в исследовании Т. Oliveira с соавторами (Oliveira et al., 2025) относительно построения академической карьеры в маркетингованных университетах (“marketized universities”). Авторы выделили два аспекта: первый – материальный, когда «академическая карьера развивается на все более жестких условиях эксплуатации, которые в основном связаны с увеличением рабочей нагрузки (как оплачиваемой, так и неоплачиваемой), снижением гарантий занятости, ...нехваткой времени... на исследования» (Oliveira et al., 2025, 281). Второй

аспект – идеологический, и он касается широко распространенного среди ученых мнения, что «игра по неолиберальным “правилам игры” – это “единственный способ” построить академическую карьеру» (там же).

В совокупности эти тенденции ограничивают исследовательскую автономию и, следовательно, возможности для достижения научных прорывов (Chu, Evans 2021; Park et al. 2023). Фундаментальный прогресс может быть приостановлен, если количественный рост (ученых, институтов и публикаций) «не будет уравниваться структурами, поощряющими прорывные исследования и фокусирующими внимание на новых идеях» (Chu, Evans 2021).

В российских условиях внедрение «академического капитализма» привело к третьему «провалу» в процессе реформирования высшего образования – формированию в сфере высшего образования и науки «анклава богатства» (инновационные и научно-образовательные центры нового типа) – «поглощает ресурсы страны, подрывая в долговременном периоде возможности собственного развития и даже выживания» (Курбатова и др., 2020, 106).

Данное утверждение в определенной степени базируется на исследованиях Джозефа Стиглица, который зафиксировал появление феномена анклавной двойственной экономики. В частности, он отмечал, что «двойственность, при которой развиваются только изолированные анклавы, представляет собой провал процесса развития» (Stiglitz, 1998, 91). Исследователь особо указывал на необходимость широкого вовлечения граждан при решении вопросов, связанных с выработкой политики по широкому спектру вопросов, отмечая, что «ни одно учреждение, будь то национальное или международное, не обладает монополией на мудрость» (Stiglitz, 2002, 177). В российских условиях решение проблемы вовлеченности работников вузов в процессы выработки образовательной политики нам представляется исключительно актуальным.

Внедрение «академического капитализма» в российскую высшую школу обусловило и изменение системы финансирования вузов. Мониторинг эффективности деятельности вузов, который проводится с 2012 г., и информационно-аналитические материалы по результатам его проведения, публикуемые на сайте главного информационно-вычислительного центра ГИВЦ⁴, дают крайне обобщенное представление о доходах университетов и источниках их формирования. Впервые на отличие в структуре доходов вузов мы указали в нашем исследовании, отметив, что по показателям мониторинга невозможно сделать вывод относительно того, какую долю составляют внебюджетные поступления от вспомогательной деятельности, приносящей вузу доход (эндаумент-фонд, аренда помещений и т.д.). Приводя конкретные примеры, мы указывали, что некорректно, например, сравнивать вуз, у которого 37,24% доходов формируется за счет образовательной деятельности и НИОКР, с вузом, который за счет таких доходов формирует 96,35% от общего объема доходов (Романов, 2021, 116).

В соответствии с вышеизложенным мы формулируем следующую гипотезу: между совокупными бюджетными/внебюджетными доходами вузов и доходами от видов деятельности, с наибольшим удельным весом в совокупных доходах (образовательной и

⁴ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ГИВЦ. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&ysclid=mh9pvmr983232244894> (дата обращения: 20.10.2025)

научно-исследовательской) может существовать «разрыв», размер которого определяется спецификой финансирования вузов.

Цель статьи состоит в выявлении «разрывов» между совокупными бюджетными/внебюджетными доходами вузов и доходами от видов деятельности, с наибольшим удельным весом в совокупных доходах (образовательной и научно-исследовательской), формулировке предложений по повышению прозрачности информации в части доходов для проведения корректного сравнительного анализа университетов.

Особенности финансового обеспечения российских университетов

Как отмечено в исследовании М.Г. Успаевой и А.М. Гачаева, с 2010 по 2023 годы наблюдался стабильный рост государственного финансирования высшего образования с 280 млрд. руб. до 450 млрд. руб. Параллельно с этим доля внешних источников финансирования увеличилась с 35% до 60%. За указанный период увеличилось количество публикаций в международных научных журналах и количество исследовательских проектов на 40% и 35% соответственно (Успаева, Гачаев, 2023, 216). Этот рост авторы связывают с увеличением государственного финансирования.

В соответствии с подходом Минобрнауки⁵ по источникам получения финансовых ресурсов и видам деятельности выделяют доходы от:

1. образовательной деятельности;
2. научных исследований и разработок (в том числе средства, выделенные в рамках государственного задания; оплата исследований за счет грантов РФФИ и РНФ);
3. оказания научно-технических услуг;
4. использования результатов интеллектуальной деятельности;
5. творческих проектов;
6. осуществления капитальных вложений;
7. прочих видов.

Помимо этих источников учитываются общий объем средств целевого капитала и доходы от него; бюджетные средства, выделяемые организации в рамках специальных программ акселерации; безвозмездная материальная помощь от физических и юридических лиц; доходы от управления собственностью.

Особое внимание государство уделяет развитию фондов целевого капитала (ФЦК) (эндаумент-фондов). В соответствии с рекомендациями Минобрнауки (распоряжение от 18.10.2024 № 388-р)⁶ программу создания ФЦК в системе высшего образования предлагается реализовывать в три этапа:

1. 2024–2025 гг. создание платформы для долгосрочных преобразований, в том числе анализ и мобилизация имеющихся ресурсов;

⁵ Распоряжение Минобрнауки России от 18.07.2025 № 249-р «О проведении мониторинга по основным направлениям деятельности образовательной организации высшего образования за 2024 год». Нормативно-правовые акты: URL: <https://bazanpa.ru/minobrnauki-rossii-rasporiazhenie-n249-r-ot18072025-h6809999/?ysclid=mfo09y7s5u10100424> (дата обращения: 20.10.2025)

⁶ Распоряжение Минобрнауки России от 18 октября 2024 г. № 388-р «Об утверждении методических рекомендаций по формированию Программы развития фондов целевого капитала образовательных организаций высшего образования». Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dep/funds/> (дата обращения: 20.10.2025)

2. 2025–2028 гг. запуск Программы – внедрение ФЦК в финансовую модель ООВО, систематический фандрайзинг и финансирование проектов;

3. 2028–2035 гг. получение результатов от Программы. Масштабирование деятельности и определение стратегических задач и целей развития для ФЦК.

В соответствии с распоряжением Минобрнауки, в котором утверждена методика формирования рейтинга подведомственных образовательных организаций, по показателю развития ФЦК⁷ вузы делятся на три группы в зависимости от индекса состоятельности.

Следует отметить, что сформированная система финансирования высшего образования в России во многом схожа с системой финансирования вузов в Китайской Народной Республике. В КНР существует три основных источника финансирования вузов (Донецкая, Лян, 2024, 153–154):

1. Государственный бюджет – покрытие операционных расходов, исследования и развитие.

2. Доходы от предпринимательской деятельности: доходы, полученные от образовательной деятельности и научных исследований. Под доходами от образовательной деятельности понимается доход от преподавательской и вспомогательной деятельности в области образования, включая плату за обучение, проживание, за прием экзаменов и другие образовательные мероприятия, расходы на проведение которых взимаются с отдельных студентов. Под доходами от научных исследований понимаются доходы, полученные от проведения научных изысканий и вспомогательной деятельности в научной сфере, включая доходы, полученные от реализации научно-исследовательских проектов, осуществления научно-технического сотрудничества и проведения научно-технического консультирования.

3. Другие доходы: инвестиционный доход, пожертвования, доход от аренды, процентный доход по банковским депозитам и т. д.

Исследование 29 ведущих вузов Китая показывает, что «каждый из них имеет следующую среднюю структуру бюджета: 35,2% – государственное финансирование, 42,6% – доходы от предпринимательской деятельности, 22,1% – прочие доходы» (Донецкая, Лян, 2024, 164).

Материалы и методы

В исследовании принимали участие вузы, которые вошли в предметный рейтинг вузов (раздел «Экономика»)⁸. Рейтинг ежегодно публикует рейтинговое агентство RAEX: в апреле 2025 года был опубликован очередной рейтинг вузов России, которые входят в семейство «Три миссии университета».

Из рассмотрения были исключены вузы, в которых приведенный контингент студентов, обучающихся по укрупненной группе 38.00.00. Экономика и управление,

⁷ Распоряжение Минобрнауки России от 18 октября 2024 г. № 387-р «Об утверждении методики формирования рейтинга образовательных организаций высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, по показателю развития фонда целевого капитала». Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dep/funds/> (дата обращения: 20.10.2025)

⁸ Предметные рейтинги вузов: экономика (2025 год). Сайт рейтинговой группы RAEX. URL: https://raex-gr.com/education/subject_ranking/Economy/2025/ (дата обращения: 20.10.2025)

составлял менее 600 человек: Российская экономическая школа и Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II.

Информационную базу исследования составляли результаты мониторинга эффективности вузов 2017-2025 гг.: а) данные об удельном весе средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности, в общих доходах образовательной организации (раздел «Научно-исследовательская деятельность»); б) данные о доходах вуза, долях доходов от образовательной деятельности и НИР, приведенном контингенте (подразделы «Финансово-экономическая деятельность» и «Образовательная деятельность» раздела «Дополнительные характеристики образовательной организации»); в) данные о приведенном контингенте УГН 38.00.00 Экономика и управление (раздел «Роль организации в системе подготовки кадров для региона»).

Следует указать, что в разделе «Научно-исследовательская деятельность» мониторинга эффективности вузов выделено два самостоятельных показателя: «удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации» и «удельный вес средств, полученных образовательной организацией от результатов интеллектуальной деятельности, в общих доходах образовательной организации». Для упрощения расчетов мы будем оперировать первым показателем.

Использовались теоретические методы исследования: анализ (литературы по проблеме исследования, материалов сайтов), сравнение и обобщение, индукция, синтез.

Результаты исследования: структура доходов вузов, взаимосвязь доходов и численности студенческого контингента

В результате анализа структуры доходов вузы были разделены на 2 группы:

а) I группа – вузы, в которых доля доходов от научных исследований и разработок (НИР) в общих доходах вуза **превышала 10%**;

б) II группа – вузы, в которых доля доходов от научных исследований и разработок (НИР) в общих доходах вуза **не превышала 10%**.

В свою очередь вузы первой группы были разделены на четыре подгруппы:

1) суммарные доли доходов от образовательной деятельности (ОД), НИР и от использования результатов интеллектуальной деятельности (РИД) в общих доходах вуза (ОДВ) **приближались к 100%** (превышали 90% по результатам большинства мониторинговых замеров) (Южный федеральный университет, МГУ им. М.В. Ломоносова);

2) суммарные доли доходов от ОД, НИР и от использования РИД в ОДВ варьировали в диапазоне **80–90%** по результатам большинства мониторинговых замеров (ВШЭ; УрФУ; СПбПУ Петра Великого; Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ); МГТУ им. Н.Э. Баумана⁹);

3) суммарные доли доходов от ОД, НИР и от использования РИД в ОДВ варьировали в диапазоне **70–80%** по результатам большинства мониторинговых замеров (КФУ; НИТУ МИСИС; НИЯУ МИФИ);

⁹ В данную группу включен МГТУ им. Н.Э. Баумана: по результатам четырех мониторинговых замеров доли доходов варьировали в диапазоне 88–90: в трех случаях превышали 90% и в трех случаях были ниже 80%.

4) суммарные доли доходов от ОД, НИР и от использования РИД в ОДВ **менее 70%** по результатам большинства мониторинговых замеров (СПбГУ; РАНХиГС).

Вузы, отнесенные ко второй группе, разделены на две подгруппы:

1) суммарные доли доходов от ОД, НИР и от РИД в ОДВ варьировали в диапазоне **80–95%** по результатам большинства мониторинговых замеров (МГИМО МИД России; СПбГЭУ; РЭУ им. Г.В. Плеханова; Финансовый университет; Сибирский федеральный университет);

2) суммарные доли доходов от ОД, НИР и от РИД в ОДВ варьировали в диапазоне **70–80%** по результатам большинства мониторинговых замеров (РУДН).

Таким образом, в представленных ниже таблицах показаны три группы показателей:

1. Характеризующие доли доходов по каждому виду деятельности:

1.1. ОД в ОДВ – доля доходов от образовательной деятельности (ОД) в общих доходах вуза (ОДВ), %.

1.2. НИР в ОДВ – доля доходов от НИР в общих доходах вуза, %.

1.3. РИД в ОДВ – доля доходов от РИД в общих доходах вуза, %.

1.4. Сумма долей – ОД+НИР+РИД, %.

2. Доходы вуза из всех источников и из внебюджетных источников, млрд. руб.

3. Численность приведенного студенческого контингента (чел.): общая и обучающихся по направлениям, связанным с экономикой и управлением.

Информация о студенческом контингенте позволяет установить корреляцию между численностью студентов и доходами вуза. Как будет видно из представленных материалов, эта зависимость не является линейной.

Ограничения по объему статьи не позволяют привести результаты всех университетов. В табл. 1 и 3 представлены показатели вузов, отнесенных к первой группе (первая и четвертая подгруппа соответственно). Для классических университетов представлен комментарий в отношении динамики изменений приведенного студенческого контингента по УГН 38.00.00 Экономика и управление.

Таблица 1 – Показатели доходов университетов и приведенной численности студентов (по результатам мониторинга 2017–2025 гг.)

Показатель	Значения показателя по результатам мониторинга эффективности деятельности вузов, (год)								
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
I Группа (1 подгруппа – суммарные доли доходов более 90%)									
<i>Южный федеральный университет</i>									
Доли доходов от основной деятельности, НИР, ИД, %									
ОД в ОДВ	47,79	61,30	66,33	69,47	63,50	62,19	60,63	51,19	55,52
НИР в ОДВ	26,62	27,67	26,09	25,80	29,01	31,37	31,76	34,27	35,55
РИД в ОДВ	5,50	6,58	0,06	0,09	0,08	0,10	0,43	1,09	1,34
Сумма	79,41	95,55	92,45	95,36	92,59	93,66	92,82	86,55	92,41
Доходы вуза из всех источников и внебюджетных источников, млрд руб.									
Суммарные	4,870	4,979	5,560	5,578	6,199	6,351	6,739	7,671	8,477
Внебюджет	1,593	1,608	1,746	1,927	2,397	2,590	2,702	3,081	2,403
Приведенный контингент: общий и обучающихся по УГН(С), чел.									

Общий	17 102	16 884	16 937	17 525	17 806	18 625	20 182	21 370	21 689
38.00.00	1 685	1 467	1 359	1 320	1 378	1 397	1 593	1 740	1 871
<p>По результатам мониторинга 2016 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента составила 11,6% (второе место); первое место у УГН 44.00.00. Образование и педагогические науки – 15,7%; третье (5,7%) у УГН 09.00.00 Информатика и вычислительная техника.</p> <p>По результатам мониторинга 2025 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента составила 8,6% (второе место); первое место у УГН 44.00.00. Образование и педагогические науки –17,5%; третье (8,3%) у УГН 09.00.00 Информатика и вычислительная техника</p>									
<i>Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова</i>									
Доли доходов от основной деятельности, НИР, ИД, %									
ОД в ОДВ	64,52	75,77	67,76	62,49	74,64	65,86	66,78	65,95	65,84
НИР в ОДВ	28,45	23,88	26,92	29,58	20,63	20,23	18,47	22,42	23,76
РИД в ОДВ	0	0	0	0	0	0	0	0,01	0
Сумма	92,97	99,65	94,68	92,07	95,27	86,09	85,25	88,38	89,60
Доходы вуза из всех источников и внебюджетных источников, млрд руб.									
Суммарные	23,37 7	25,41 9	30,45 8	26,43 6	33,62 9	38,32 0	43,76 8	43,18 1	49,63 9
Внебюджет	10,94 0	11,75 0	14,18 4	8,536	13,97 4	15,89 9	14,36 5	17,83 9	23,63 6
Приведенный контингент: общий и обучающихся по УГН(С), чел.									
Общий	31 585	33 241	33 543	33 982	36 111	36 874	38 279	40 115	43 503
38.00.00	4 633	4 908	4 876	4 703	4 998	5 228	5 659	6 300	7 618
<p>По результатам мониторинга 2016 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента составила 15,2 % (первое место); второе место 01.00.00. Механика и математика – 12,7%; третье (9,8%) у УГН 40.00.00 Юриспруденция.</p> <p>По результатам мониторинга 2025 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента составила 17,5 % (первое место); второе место 01.00.00. Механика и математика – 10,9%; третье (9,4%) у УГН 40.00.00 Юриспруденция.</p>									

Составлено автором. Источник: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ГИВЦ. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&ysclid=mh9pvmr983232244894> (дата обращения: 20.10.2025)

Как видно из таблицы, в МГУ им. М.В. Ломоносова укрупненная группа направлений и специальностей подготовки УГН (С) 38.00.00. Экономика и управление занимает лидирующие позиции по удельному весу приведенного студенческого контингента в общей численности. В Южном федеральном университете данное направление подготовки удерживает вторую позицию после УГН 44.00.00. Образование и педагогические науки.

В МГУ им. М.В. Ломоносова, судя по представленным результатам, достаточно проблемным был 2019 год (мониторинг 2020 г.): существенно снизилось значение внебюджетных доходов, что отразилось на общих доходах университета. Однако сумма долей доходов из трех источников была выше 90%. Начиная с мониторинга 2022 г., сумма удельных весов доходов из трех источников ниже 90%. Мы можем предполагать, что «недостающие» (до 100%) проценты в период 2022–2025 гг., составившие в денежном выражении 5,33; 6,45; 5,02; 5,16 млрд. руб. соответственно, – результат государственной поддержки (субсидии).

Для более точного вывода произведем расчет на основе данных мониторинга за 2022–2025 гг. С этой целью следует воспользоваться разработанным нами алгоритмом, в котором используется информация, приведенная в разделе V. **«Дополнительные характеристики образовательной организации»** мониторинга эффективности вузов, где помимо прочего представлены данные о финансово-экономической деятельности вуза (полужирным шрифтом выделены показатели, представленные в данном подразделе). В данном алгоритме не учтен удельный вес средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности.

1. Ввод информации о финансово-экономической деятельности вуза:

а) доходы вуза из всех источников;

б) доходы вуза из внебюджетных источников.

2. Определение объема доходов вуза из бюджетов (федерального, субъекта РФ и местного бюджета): разность доходов вуза из всех источников и доходов из внебюджетных источников.

3. Ввод информации о **доле доходов вуза от образовательной деятельности в общих доходах вуза** и определение доходов от образовательной деятельности.

4. Ввод информации о **доле внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности** и определение объема внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности.

5. Определение объема доходов вуза от образовательной деятельности, финансируемой из бюджетов (федерального, субъекта РФ и местного бюджета): разность совокупных доходов вуза от образовательной деятельности и внебюджетных доходов от образовательной деятельности.

6. Повторение п. 3–5 в отношении доходов от научных исследований и разработок – в результате определяется объем внебюджетных и бюджетных средств в доходах от НИР. Используется информация о **доле доходов вуза от научных исследований и разработок в общих доходах вуза** и о **доле внебюджетных средств в доходах от научных исследований и разработок**.

7. Определение суммарного объема бюджетных средств для финансирования образовательной деятельности и НИР.

8. Определение суммарного объема внебюджетных средств для финансирования образовательной деятельности и НИР.

9. Определение разности значений («разрыва») доходов вуза от совокупного бюджетного финансирования и бюджетного финансирования образовательной деятельности и НИР.

10. Определение разности значений («разрыва») доходов вуза от совокупного внебюджетного финансирования и внебюджетного финансирования образовательной деятельности и НИР.

Отметим, что бюджетное финансирование МГУ им. М.В. Ломоносова осуществляется исключительно из средств федерального бюджета.

Как видно из табл. 2, в результате расчетов (9 и 10 пункты алгоритма) в мониторинге 2022 года «бюджетный разрыв» практически отсутствовал – минимум бюджетных средств ушло на финансирование видов деятельности, не связанных с образовательной деятельностью и НИР; «внебюджетный разрыв» составил 5,329 млрд. руб. В мониторингах 2022 и 2023 гг. «бюджетный разрыв» существенно превышал «внебюджетный». А в мониторинге 2025 г. фиксируется существенное превышение «внебюджетного разрыва» над «бюджетным».

Таким образом, можно утверждать, что в 2022 и 2023 годах (мониторинг 2023 и 2024 года соответственно) государственная поддержка была достаточно существенной – 5,616 и 4,143 млрд. руб. соответственно. В мониторинге 2025 года фиксируется снижение «бюджетного разрыва» (1,780 млрд. руб.), а «разрыв» между совокупными внебюджетными доходами и внебюджетными доходами от образовательной деятельности и НИР превышает 3 миллиарда рублей (3,383 млрд. руб.) («внебюджетный разрыв»).

Можно только предположить, что «заполнение» «бюджетного разрыва» было осуществлено за счет бюджетных ассигнований, которые были выделены в рамках специальных программ акселерации, для осуществления капитальных вложений и т.д.

«Внебюджетный разрыв» может быть «заполнен» за счет средств, полученных в результате реализации творческих проектов, от управления собственностью, деятельности эндаумент-фондов и т.д.

Как мы отмечали выше в используемом алгоритме не учтен удельный вес средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности. По результатам мониторинга 2024 года это значение составило 0,01% в общих доходах образовательной организации, т.е. 4,318 млн. руб. В зависимости от источника поступления средств (бюджетного или внебюджетного) это значение является составляющей соответствующего «разрыва».

Таблица 2 – Показатели МГУ им. М.В. Ломоносова (по результатам мониторинга 2022–2025 гг.)

№ п/п	Показатель	Значение показателей в мониторинге			
		2022	2023	2024	2025
1	Доходы вуза из всех источников, млн. руб.	38 320	43 768	43 181	49 639
2	Доходы вуза из внебюджетных источников, млн. руб.	15 899	14 365	17 839	23 636
3	Доходы вуза из федерального бюджета, млн. руб.	22 421	29 403	25 342	26 003
4	Доля доходов вуза от образовательной деятельности в общих доходах вуза, %	65,86%	66,78%	65,95%	65,84%

5	Доходы вуза от образовательной деятельности, млн. руб.	25 237	29 228	28 478	32 682
6	Доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности, %	48,17%	45,69%	39,37%	45,54%
7	Внебюджетные средства в доходах от образовательной деятельности, млн. руб.	12 157	13 354	11 212	14 883
8	Средства федерального бюджета в доходах от образовательной деятельности, млн. руб. (строка 5-строка 7)	13 080	15 874	17 266	17 799
9	Доля доходов от научных исследований и разработок в общих доходах вуза, %	20,23%	18,47%	22,42%	23,76%
10	Доходы вуза от научных исследований и разработок, млн. руб.	7 752	8 084	9 681	11 794
11	Доля внебюджетных средств в доходах от научных исследований и разработок, %	48,24%	2,12%	59,37%	45,53%
12	Внебюджетные средства в доходах от научных исследований и разработок, млн. руб.	3 740	171	5 748	5 370
13	Средства федерального бюджета в доходах от научных исследований и разработок, млн. руб. (строка 10-строка 12)	4 012	7 912	3 933	6 424
14	Бюджетные средства для финансирования образовательной деятельности и НИР, млн. руб. (строка 8+строка13)	17 092	23 786	21 199	24 223
15	Внебюджетные средства для финансирования образовательной деятельности и НИР, млн. руб. (строка 7+строка12)	15 897	13 525	16 960	20 253
16	«Бюджетный разрыв», млн. руб. (строка 3-строка 14)	2	5 616	4 143	1 780
17	«Внебюджетный разрыв», млн. руб. (строка 2-строка 15)	5 329	839	879	3 383

Рассчитано автором. Источник: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2025/_vpo/inst.php?id=1725 (дата обращения: 20.10.2025)

Резюмируя вышеизложенное: информация о долях доходов от образовательной деятельности, НИР и РИД в общих доходах вуза может способствовать определению факта «разрыва» между общим объемом финансирования и финансирования указанных видов деятельности, т.е. определить объем финансовых ресурсов для финансирования иных видов деятельности.

Для определения распределения бюджетных и внебюджетных средств в этом объеме финансовых ресурсов («бюджетного» и «внебюджетного» «разрыва») необходима дополнительная информация о доли внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности и НИР.

Что касается взаимосвязи между численностью студенческого контингента (приведенной) и объемом доходов вуза, то зависимость не является линейной. Однако можно говорить о корреляции между бюджетными доходами вуза и приведенным студенческим контингентом. Бюджетные доходы (мониторинг 2020 г.) составили 17,90 млрд. руб., а годом ранее – 16,27 млрд. руб.

В ЮФУ результаты мониторинговых измерений в 2017 и 2024 годах требуют пояснений: в первом случае суммарная доля доходов из трех основных источников составила 79,41%, при этом значения суммарных доходов университета из всех источников и доходов из внебюджетных источников были наименьшими на протяжении всего рассматриваемого периода. В мониторинге 2024 г. суммарная доля доходов из трех источников составила 86,55%, при этом доходы из внебюджетных источников достигли максимального значения, которое зафиксировано на протяжении всего периода измерений – 3,081 млрд. руб. Мониторинг не дает ответа на вопрос, за счет каких источников были получены 20,59% доходов в первом случае и 13,45% – во втором. Результаты расчета по приведенному выше алгоритму показывают, что по результатам мониторинга 2017 года значения **бюджетных и внебюджетных «разрывов»** составили **761,114** млн. руб. и **485,156** млн. руб. соответственно. По результатам мониторинга 2024 года эти значения составили **93,514** млн. руб. и **1021,91** млн. руб. соответственно¹⁰.

Объяснить данный феномен достаточно сложно, учитывая, что значения долей внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности и НИР относительно стабильны.

В 8 мониторинговых замерах «недостающие» (до 100%) проценты варьируют в диапазоне 7,59% (643,4 млн. руб.) до 4,45% (221,5 млн. руб.).

Как мы отмечали выше, зависимость между численностью студенческого контингента и доходами вуза не является линейной. Так, в ЮФУ численность студентов существенно сократилась в 2018 году (мониторинг 2019 г.) по сравнению в данными 2016 г., однако доходы из всех источников – увеличились.

¹⁰ В мониторинге 2017 г. доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности составляла 21,64%; доля внебюджетных средств в доходах от НИР – 46,62%. (см. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2017 года. ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2017/_vpo/inst.php?id=337)

По результатам мониторинга 2024 г. доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности составляла 21,24%; доля внебюджетных средств в доходах от НИР – 46,59%. (см. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2024 года. ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2024/_vpo/inst.php?id=337).

Поскольку в используемом алгоритме не учтен удельный вес средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности, то, как мы отмечали выше, доходы от РИД могут быть составной частью или «бюджетного» или «внебюджетного» разрыва.

В табл. 3 представлены результаты университетов, у которых в большинстве мониторинговых замеров сумма долей доходов от трех видов деятельности была ниже 70%.

Таблица 3 – Показатели доходов университетов и приведенной численности студентов (по результатам мониторинга 2017–2025 гг.)

Показатель	Значения показателя по результатам мониторинга эффективности деятельности вузов, (год)								
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
I Группа (4 подгруппа – суммарные доли доходов менее 70%)									
<i>Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ</i>									
Доли доходов от основной деятельности, НИР, ИД, %									
ОД в ОДВ	59,31	53,40	51,09	55,62	52,16	44,72	60,36	68,46	74,44
НИР в ОДВ	14,26	13,44	14,59	13,39	12,91	10,03	8,48	9,16	11,04
РИД в ОДВ	0	0	0	0	0	0	0,01	0,01	0,01
Сумма	73,57	66,84	65,68	69,01	65,07	54,75	68,85	77,63	85,49
Доходы вуза из всех источников и внебюджетных источников, млрд руб.									
Суммарные	10,07	13,09	13,51	15,41	17,24	22,18	25,98	25,63	23,55
	0	3	1	0	3	9	8	6	6
Внебюджет	4,600	6,868	5,960	6,502	6,760	11,10	13,76	13,02	12,60
						0	8	3	9
Приведенный контингент: общий и обучающихся по УГН(С), чел.									
Общий	14	14	15	16	18	21	24	25	26
	571	734	238	246	673	800	139	787	651
38.00.00	10	9 757	9 495	9 575	10	11	12	13	14
	016				338	489	637	674	287
<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>									
Доли доходов от основной деятельности, НИР, ИД, %									
ОД в ОДВ	72,25	75,42	55,48	52,81	54,23	51,29	48,91	48,54	44,34
НИР в ОДВ	15,13	15,94	14,24	17,29	14,65	15,25	14,03	12,14	12,80
РИД в ОДВ	0,80	1,52	0,97	0,89	0,92	0,87	0,83	0,82	0,85
Сумма	88,18	92,88	69,69	70,99	69,80	67,41	63,77	61,50	57,99
Доходы вуза из всех источников и внебюджетных источников, млрд руб.									
Суммарные	12,44	12,37	17,15	18,74	19,98	22,04	23,75	26,88	28,47
	0	2	6	6	0	2	0	9	1
Внебюджет	2,525	2,411	4,617	5,802	6,422	7,980	9,555	10,28	11,61
								3	6
Приведенный контингент: общий и обучающихся по УГН(С), чел.									
Общий	18	18	18	19	21	22	23	22	24
	781	360	877	148	224	434	018	943	986
38.00.00	2 587	2 449	2 536	2 484	2 818	3 039	3 108	3 079	3 249
По результатам мониторинга 2016 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента составила 14,0 % (первое место); второе место 41.00.00. Политические науки и регионоведение – 12,0%; третье (9,8%) у УГН 45.00.00. Языковедение и литературоведение.									
По результатам мониторинга 2025 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента									

составила 13,0 % (первое место); второе место 40.00.00. Юриспруденция – 8,6%; третье (7,7%) у УГН 01.00.00. Математика и механика.

Составлено автором. Источник: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ГИВЦ. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&ysclid=mh9pvvmr983232244894> (дата обращения: 20.10.2025)

Следует указать, что Санкт-Петербургский государственный университет является единственным среди всех рассматриваемых вузов, у которого в каждом мониторинговом замере фиксировалось значение «удельного веса средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности, в общих доходах образовательной организации». Максимальное значение (в денежном выражении) было зафиксировано в мониторинге 2025 г. – 242 млн. руб. в соответствии с долей 0,85% в общих доходах; минимальное значение в мониторинге 2016 г. – 53,1 млн. руб.

В мониторинге 2025 г. зафиксировано **минимальное** значение суммарной доли доходов из трех источников – 57,99%. Мы можем предположить, что остальные 42,01% (11,96 млрд. руб.) – являются в основном результатом государственного субсидирования. Поскольку в данном значении учтены доходы от РИД, то корректнее говорить о 42,86% и соответствующих им 12,20 млрд. руб. доходов.

Для подтверждения данного вывода произведем расчеты по аналогии с расчетами, сделанными для МГУ им. М.В. Ломоносова на основе данных мониторинга за 2022–2025 гг.

Результаты расчетов, представленных в табл. 4, опровергают предположение, что объем средств свыше 12 млрд. руб. является в основном результатом господдержки. **Объем внебюджетных средств превышает бюджетные в 1,46 раза.** Вместе с тем интерес вызывает вопрос, на какие цели выделены 4,966 млрд. руб. бюджетных средств, что составляет более 80% всего бюджетного финансирования Южного федерального университета в анализируемом году. Возникает вопрос и в отношении внебюджетных доходов в 7,236 млрд. руб.: Какие виды деятельности позволяют генерировать такие доходы? Данные вопросы можно отнести ко всему рассматриваемому периоду.

Думается, что ответы на эти вопросы будут интересны как теоретикам, так и практикам, работающим в сфере высшего образования.

Что касается взаимосвязи между увеличением студенческого контингента и увеличением доходов, то мы повторяем ранее сформулированный тезис – эта зависимость не является линейной. Сравнение результатов мониторинга 2023 и 2024 гг. в отношении данных показателей это подтверждает: в мониторинге 2024 года зафиксировано снижение приведенного контингента по сравнению с предыдущим годом, при этом суммарный объем доходов увеличился более чем на 3 млрд. руб.

Таблица 4 – Показатели Санкт-Петербургского государственного университета (по результатам мониторинга 2022–2025 гг.)

№ п/п	Показатель	Значение показателей в мониторинге			
		2022	2023	2024	2025
1	Доходы вуза из всех источников, млн. руб.	22 042	23 750	26 889	28 471
2	Доходы вуза из внебюджетных источников, млн. руб.	7 980	9 555	10 283	11 616
3	Доходы вуза из федерального бюджета, млн. руб.	14 062	14 195	16 606	16 855
4	Доля доходов вуза от образовательной деятельности в общих доходах вуза, %	51,29%	48,91%	48,54%	44,34%
5	Доходы вуза от образовательной деятельности, млн. руб.	11 305	11 616	13 052	12 624
6	Доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности, %	28,13%	29,72%	28,66%	32,10%
7	Внебюджетные средства в доходах от образовательной деятельности, млн. руб.	3 180	3 452	3 741	4 052
8	Средства бюджетов в доходах от образовательной деятельности, млн. руб. (строка 5-строка 7)	8 125	8 164	9 311	8 572
9	Доля доходов от научных исследований и разработок в общих доходах вуза, %	15,25%	14,03%	12,14%	12,80%
10	Доходы вуза от научных исследований и разработок, млн. руб.	3 361	3 332	3 264	3 644
11	Доля внебюджетных средств в доходах от научных исследований и разработок, %	9,87%	9,87%	13,92%	8,98%
12	Внебюджетные средства в доходах от научных исследований и разработок, млн. руб.	332	329	454	327
13	Средства бюджетов в доходах от научных исследований и разработок, млн. руб. (строка 10-строка 12)	3 029	3 003	2 810	3 317
14	Бюджетные средства для финансирования образовательной деятельности и НИР, млн. руб. (строка 8+строка13)	11 154	11 167	12 121	11 889
15	Внебюджетные средства для финансирования образовательной деятельности и НИР, млн. руб. (строка 7+строка12)	3 512	3 781	4 195	4 379
16	«Бюджетный разрыв», млн. руб. (строка 3-строка 14)	2 908	3 028	4 485	4 966
17	«Внебюджетный разрыв», млн. руб. (строка 2-строка 15),	4 468	5 774	6 088	7 236

Рассчитано автором. Источник: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2025/_vpo/inst.php?id=1771 (дата обращения: 20.10.2025)

Примечание: доля финансирования из бюджетов субъекта РФ и местного бюджета составляла: **0,08%** (мониторинг 2025 г.); **0,07%** (мониторинг 2024 г.); **0,05%** (мониторинг 2021 г.); **0,07%** (мониторинг 2020 г.); **0,71%** (мониторинг 2016 г.).

Из результатов мониторинга 2025 г. следует, что в РАНХиГС в 2024 году зафиксирована **максимальная** доля доходов от трех видов деятельности – 85,49% (20,138 млрд. руб.). Учитывая, большую долю внебюджетных доходов в общих доходах вуза по сравнению с бюджетными доходами, можно предположить, что более 3 млрд. руб. (23,556–20,138) были получены в результате деятельности, например эндаумент-фонда, от управления собственностью и т.д. Однако это предположение опровергается на основании расчетов, проведенных по алгоритму, представленному выше: **доля бюджетных средств составила 2,988 млрд. руб., а внебюджетных – 0,432 млрд руб.**¹¹.

В мониторинге 2023 г. были зафиксированы максимальные значения доходов из всех источников и из внебюджетных источников за весь рассматриваемый период – 25,988 и 13,768 млрд. руб. соответственно. Суммарная доля доходов составила 68,85%, т.е. 17,89 млрд. руб. На основе проведенных нами расчетов по аналогии с приведенными выше пропорции в распределении оставшихся 8,10 млрд. руб. таковы: **6,832 млрд. руб. – бюджетные средства и 1,276 млрд. руб. – внебюджетные средства**¹². Таким образом, «бюджетный разрыв» превысил объем бюджетных средств, выделенных для финансирования образовательной деятельности и НИР (5,398 млрд. руб.). Проведенные нами дополнительные расчеты по определению размеров «бюджетного» и «внебюджетного» «разрыва» по результатам мониторинговых замеров 2019–2022 гг. показывают, что размер «бюджетного» разрыва или превышает, или сопоставим с объемом бюджетных средств для финансирования образовательной деятельности и НИР. Соотношение бюджетные средства для финансирования образовательной деятельности и НИР/«бюджетный разрыв» составило (млрд. руб.) в мониторинге: 2019 г. – 3,722/3,828; 2020 – 4,591/4,317; 2021 – 4,663/5,820; 2022 – 5,142/5,947.

В отношении численности студенческого контингента и суммарных доходов укажем, что сравнение результатов мониторинга 2023, 2024 и 2025 гг. г. показывают, что в результатах 2024 и 2025 гг. г. фиксируется существенное увеличение приведенного контингента по сравнению с результатами мониторинга 2023 г. на фоне снижения доходов из всех источников.

Резюмируя вышеизложенное: для понимания соотношения бюджетных и внебюджетных средств («бюджетного» и «внебюджетного» «разрыва») в финансировании видов деятельности, не относящейся к образовательной, и НИР

¹¹ Доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности составляла 69,40%; доля внебюджетных средств в доходах от НИР – 0,28%. (см. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2025 года. ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2025/_vpo/inst.php?id=1783)

¹² Доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности составляла 77,73%; доля внебюджетных средств в доходах от НИР – 13,56% (см. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2023 года. ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2023/_vpo/inst.php?id=1783)

необходимы дополнительные расчеты для каждого периода (финансового года). Это не позволяет объективно оценить реальное финансовое состояние вуза – отсутствие прозрачности в отношении бюджетного и внебюджетного финансирования может провоцировать злоупотребления (включая коррупционную составляющую) при распределении финансовых ресурсов.

Заключение

Результаты исследования дают основание утверждать, что существует проблема сравнительного анализа финансового состояния университетов, поскольку в аналитических материалах мониторинга эффективности вузов отсутствует полная информация обо всех источниках финансирования вузов. Возникает вопрос: в какой степени корректно сравнивать вуз, у которого доля доходов от образовательной деятельности, НИР и РИД составляет 57,99% с вузом, у которого эта доля равна 85,49% (СПбГУ и РАНХиГС соответственно, мониторинг 2025 г.)?

Информация о долях доходов от образовательной деятельности, НИР и РИД в общих доходах вуза может способствовать определению факта «разрыва» между общим объемом финансирования и финансирования указанных видов деятельности, т.е. объема финансовых ресурсов для финансирования иных видов деятельности.

На основе разработанного алгоритма расчета «бюджетного» и «внебюджетного» «разрывов» в зависимости от долей внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности и НИР можно рассчитать соотношение бюджетных и внебюджетных доходов вуза от других видов деятельности (помимо образовательной и НИР). Эти соотношения могут существенно меняться от года к году, что свидетельствует об отсутствии прозрачности в отношении бюджетного и внебюджетного финансирования, и могут служить основанием для злоупотреблений.

Нам представляется, что установленный феномен «финансового разрыва» является прямым следствием используемой модели финансирования вузов, которая допускает возможность «финансовых протечек».

Для повышения прозрачности в раздел «Дополнительные характеристики образовательной организации» мониторинга вузов следует включить информацию обо всех источниках финансирования: государственные субсидии, доходы от деятельности эндаумент-фондов, управления собственностью и т.д.

На основе обобщения опыта ведущих вузов с учетом специфики распределения бюджетных и внебюджетных источников финансирования региональные вузы будут совершенствовать собственные финансовые стратегии.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в выявлении зависимости между финансовым обеспечением вуза и кадровым воспроизводством. Предварительно мы можем говорить, что проблема кадрового воспроизводства существует у СПбГУ. Изучались показатели за десятилетний период (результаты мониторинга 2016-2025 гг.): численность штатных ППС последовательно снижалась с 3998 человек (мониторинг 2016 г.) до 2 992 человек (мониторинг 2025 г.), при этом доля ППС до 40 лет также снижалась 27,44% и 19,88% соответственно в мониторинге 2016 и 2025 гг.

Аналогичная проблема существует в РЭУ им. Г.В. Плеханова: численность ППС существенно снизилась в период 2016–2022 гг. с 1330 до 962 человек, в последующих

мониторинговых замерах фиксируется незначительный рост (977 человек по результатам мониторинга 2025 г.).

Устойчиво снижается численность штатных ППС в НИТУ МИСИС: с 864 человек (мониторинг 2016 года) до 518 человек (мониторинг 2025 г.).

В Национальном исследовательском Томском государственном университете (ТГУ) численность ППС снижалась в период 2016–2023 гг. с 1149 до 972 человек, в последующих мониторинговых замерах фиксируется рост (1059 человек по результатам мониторинга 2025 г.).

В УрФУ численность ППС резко снизилась с 2535 человек (мониторинг 2016) до 2152 человек (мониторинг 2019 года), далее на фоне увеличения численности студентов и объема доходов численность ППС увеличивалась и составила 2207 человек в 2024 году (мониторинг 2025 г.).

В СПбГЭУ университете численность ППС устойчиво снижалась с 1163 до 722 человек (мониторинг 2016 и 2024 гг. соответственно.) По результатам мониторинга 2025 года она составила 752 человека.

Аналогичную ситуацию мы фиксируем и в Сибирском федеральном университете: численность ППС устойчиво снижалась с 2483 до 2012 человек (мониторинг 2016 и 2024 гг. соответственно.) По результатам мониторинга 2025 года она составила 2040 человек.

Выяснение причин сокращения численности носителей «спрессованного» человеческого опыта, которое осуществляется (как правило) на фоне увеличения численности студенческого контингента и доходов университетов, нам представляется весьма актуальным.

Литература

Балацкий, Е.В. Синдром аритмии реформ в системе высшего образования/Е.В. Балацкий// Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014 – Т. 24.– № 4. – С. 111–140.

Глазьев, С.Ю. Как денежно-кредитная политика угнетает экономический рост в России и Евразийском экономическом союзе/ С.Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2022. –№ 2. – С. 4–20. – <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-2-4-20>.

Болгова, М. А. Стратегии деятельности образовательных организаций высшего образования в условиях модернизации высшего образования в Российской Федерации. Социально-экономический анализ/ М. А. Болгова, А.В. Подлегаев // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. –2015. – Т 52. – № 4. – С. 117–122.

Донецкая, С.С. Финансирование ведущих китайских университетов: размер имеет значение? / С.С.Донецкая, Б. Лян // Высшее образование в России. – 2024. – Т.33. – № 11. – С. 149–168. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-11-149-168>.

Ковалев, В.В. Качество высшего образования и менеджериализм: есть ли польза от новой модели управления?/ В.В. Ковалев, А.А. Беспалова //Caucasian Science Bridge. – 2025. – Т. 8. – № 2. – С. 8-21. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.1>.

Ковалев, В.В. Субъектность академического сообщества в условиях менеджеристского управления/ В. В. Ковалев, А. В. Дятлов // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т.30. – № 2. – С. 37–51. – <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>.

Костерев, А.Г. Современная российская высшая школа накануне преобразований/ А.Г. Костерев, М.Ю. Ким // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34. – № 7. – С. 153–166. – [https://doi.org/ 10.31992/0869-3617-2025-34-7-153-166](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-7-153-166).

Курбатова, М. В. (2016). Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия/ М. В. Курбатова // Мир России. – 2016. – Т. 25. – № 4. – С. 59–86.

Курбатова, М. В. «Утроенный провал» институционального проектирования в реформировании высшего образования России/ М. В. Курбатова, С. Н. Левин, К. С. Саблин // Journal of Institutional Studies. – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 994–111. – [https://doi.org/ 10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111).

Романов, Е. В. Оценка эффективности деятельности российских вузов: нужно ли менять парадигму?/ Е. В. Романов // Образование и наука. – 2021. – Т. 23. – № 6. – С. 84–125. – [https://doi.org/ 10.17853/1994-5639-2021-6-83-125](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-6-83-125).

Романов, Е.В. Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму»/ Е.В. Романов // Вопросы экономики. – 2023. – № 2. – С. 100–115. – [https://doi.org/ 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115).

Романов, Е.В. Оценка эффективности деятельности российских вузов в контексте проблемы кадрового воспроизводства/ Е.В. Романов // Образование и наука. – 2024. – Т.26. – №10. – С. 12–47. – [https://doi.org/ 10.17853/1994-5639-2024-10-12-47](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-10-12-47).

Сенашенко, В.С. О реформировании отечественной системы высшего образования: некоторые итоги/ В.С. Сенашенко // Высшее образование в России. – 2017. – Т. 213. – № 6. – С. 5–15. – [https://doi.org/ 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115).

Тамбовцев, В.Л. Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт/ В. Л. Тамбовцев // Управление наукой: теория и практика. – 2020. – Т. 2. – №1. – С. 15–39. – [https://doi.org/ 10.19181/sntp.2020.2.1.1](https://doi.org/10.19181/sntp.2020.2.1.1).

Успаева, М. Г. Моделирование финансовой устойчивости вузов в России: анализ влияния государственного финансирования и внешних источников дохода / М. Г. Успаева, А.М. Гачаев А.М. // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – Т. 71. – № 11-2. – С. 2212–219. – [https://doi.org/ 10.25726/r3463-0520-5243-u](https://doi.org/10.25726/r3463-0520-5243-u).

Фролов, Д.П. Российская система университетского образования: вопросы институциональной эффективности / Д.П. Фролов // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 11. – С. 94–102.

Chu, J. S. G. Slowed canonical progress in large fields of science / Chu J. S. G., J. A. Evans // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2021. – Vol. 118(41). – e2021636118. – [https://doi.org/ 10.1073/pnas.2021636118](https://doi.org/10.1073/pnas.2021636118).

Comois, A. Precarity in the iron cage: Neoliberalism and casualisation of work in the Irish higher education sector/ A.Comois , T.O’Keefe // Journal for Critical Education Policy Studies. – 2015 –Vol. 13(1). –Pp. 43–66.

Donatiello, D. All that Glitters is Not Gold: The Surrogate Use of University Spin-Offs. Insights from Italy/ D.Donatiello , A. Gherardini // Higher Education Policy. – 2019. – Vol. 32(2). – P. 203-226. – <https://doi.org/10.1057/s41307-017-0079-z>.

Ellis, V. Academic work and proletarianisation: A study of higher education-based teacher educators / V.Ellis, J.McNicholl, A.Blake, J.McNally // Teaching and Teacher Education. – 2014 – Vol. 40(1). – P. 33–43.

Eren, E. The Neoliberal Transformation of Universities: A Critical Assessment of Academic Capitalism, Academic Autonomy and the Production of Scientific Knowledge / E. Eren // Journal for Critical Education Policy Studies (JCEPS). – 2025. – Vol. 22(3). – P. 256-305.

Hall, H. The marketisation of higher education: symptoms, controversies, trends/ H. Hall // Ekonomia i Prawo.– 2018. –Vol. 17(1). P. 33–42.

Holmwood, J. Challenges to public universities: Digitalisation, commodification and precarity/ J. Holmwood, C. Marcuello Servós // Social Epistemology. – 2019. – Vol. 33(4) – P. 309–320. <https://doi.org/10.1080/02691728.2019.1638986>.

Kwiek, M. Academic top earners. Research productivity, prestige generation, and salary patterns in European universities/M. Kwiek // Science and Public Policy. –2018. –Vol. 45(1). – P. 1-13. <https://doi.org/10.1093/scipol/scx020>.

Slaughter, S. Academic capitalism: Politics, policies, and the entrepreneurial university/ S.Slaughter, L.L. Leslie // Johns Hopkins University Press, 1997. – 296 p.

Slaughter, S. Expanding and Elaborating the Concept of Academic Capitalism / S.Slaughter, L.L.Leslie // Organization. – 2001. – Vol. 8(2). – P. 154–161. <https://doi.org/10.1177/1350508401082003>.

LaBrenz, C. A. “This Is Not Normal”: The Global Academy’s Resistance to Authoritarianism and Academic Capitalism/ C. A. LaBrenz, C. Adeleke, M. L. T. Garcia, A.Pandolfi, M. Mattioni, F. X. Leal, M. Nava // Fast Capitalism. – 2025. – Vol. 22(1). – P. 39-48.

Oliveira, T. Navigating an academic career in marketized universities: mapping the international literature / T. Oliveira, C. Nada, A. Magalhães // Review of Educational Research. – 2025. – Vol. 95(2). – P. 255-292. <https://doi.org/10.3102/00346543231226336>.

Park, M. Papers and patents are becoming less disruptive over time/ M.Park, E. Leahey, R. J. Funk // Nature. – 2023. – Vol. 613(7942).– P. 138-144. <https://doi.org/10.1038/s41586-022-05543-x>

Poutanen, M. Breaking bonds: How academic capitalism feeds processes of academic alienation. In: The Palgrave International Handbook of Marxism and Education / M. Poutanen // Breaking bonds: How academic capitalism feeds processes of academic alienation. Cham : Springer International Publishing. – 2023. – P. 71-92.

Rhoades, G. Academic capitalism, managed professionals and supply-side higher education/ G.Rhoades, S. Slaughter // Social Text. – 1997. –No. 51. – P. 9–38.

Slaughter, S. Expanding and Elaborating the Concept of Academic Capitalism/ S.Slaughter, L.L.Leslie// Organization. – 2001. – Vol. 8(2). – P. 154–161. <https://doi.org/10.1177/1350508401082003>.

Slaughter, S. Academic capitalism: Politics, policies, and the entrepreneurial university / S.Slaughter, L.L. Leslie // Johns Hopkins University Press. 1997. –296 p.

Somers, P. Academic capitalism and the entrepreneurial university: some perspectives from the Americas / P. Somers, C. Davis, J.Fry, L. Jasinski, E. Lee// Roteiro. – 2018. –Vol. 43(1). – P. 21-42. <https://doi.org/10.18593/r.v43i1.13088>.

Spinrad, M. L. Not in the greater good: Academic capitalism and faculty labor in higher education / M. L. Spinrad, S. R. Relles, D. L. Watson // *Education Sciences*. – 2022. – Vol. 12(12). – P. 912. <https://doi.org/10.3390/educsci12120912>.

Stiglitz, J. Towards a new paradigm of development. In: *Making globalization good* / J. Stiglitz // *Towards a new paradigm of development*. New York: Oxford University Press. – 1998. – P. 76-107. – <https://doi.org/10.1093/0199257019.003.0005>.

Stiglitz, J. E. Participation and development: Perspectives from the comprehensive development paradigm / J. E. Stiglitz // *Review of development economics*. – 2002. – Vol. 6(2). – P. 163-182. <https://doi.org/10.1111/1467-9361.00148>.

References

Balatsky E.V. Syndrome of reforms' arrhythmia in the higher education. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2014; 24(4): 111–140. (In Russ.)

Bolgova M. A., Podlegayev A. V. Strategies for the activities of higher education institutions in the context of the modernization of higher education in the Russian Federation. Socio-economic analysis. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta im. G. I. Nosova = Vestnik of Nosov Magnitogorsk State Technical University*. 2015; 52(4): 117–122. (In Russ.)

Chu J. S. G., Evans J. A. Slowed canonical progress in large fields of science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021;118(41): e2021636118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2021636118>.

Comois A., O'Keefe T. Precarity in the iron cage: Neoliberalism and casualisation of work in the Irish higher education sector. *Journal for Critical Education Policy Studies*. 2015; 13(1): 43–66.

Donatiello D., Gherardini A. All that Glitters is Not Gold: The Surrogate Use of University Spin-Offs. Insights from Italy. *Higher Education Policy*. 2019; 32(2): 203-226. <https://doi.org/10.1057/s41307-017-0079-z>.

Donetskaya S.S., Liang B. Funding for China's Top Universities: Does Size Matter? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2024;33(11):149-168. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-11-149-168> (In Russ.)

Ellis V., McNicholl J., Blake A., McNally J. Academic work and proletarianisation: A study of higher education-based teacher educators. *Teaching and Teacher Education*. 2014; 40(1): 33–43.

Eren E. The Neoliberal Transformation of Universities: A Critical Assessment of Academic Capitalism, Academic Autonomy and the Production of Scientific Knowledge. *Journal for Critical Education Policy Studies (JCEPS)*. 2025; 22(3): 256-305.

Frolov D.P. The Russian system of university education: issues of intuitional effective strength. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2016; 11: 94–102. (In Russ.)

Hall H. The marketisation of higher education: symptoms, controversies, trends. *Ekonomia i Prawo*. 2018;17(1): 33–42.

Holmwood J., Marcuello Servós C. Challenges to public universities: Digitalisation, commodification and precarity. *Social Epistemology*. 2019; 33(4): 309–320. <https://doi.org/10.1080/02691728.2019.1638986>.

Kosterev A.G., Kim, M.Yu. Modern Russian Higher Education on the Eve of Transformations. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2025;34(7): 153–166. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-7-153-166> (In Russ.)

Kovalev V. V., Diatlov A. V. Subjectivity of the academic community in the conditions of managerialist management. *Nauka. Kultura. Obshchestvo= Science. Culture. Society*. 2024; 30(2): 37–51. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3> (In Russ.)

Kovalev V.V., Beshpalova A.A. Quality of higher education and managerism: is there any benefit from the new management model? *Caucasian Science Bridge*. 2025; 8(2): 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.1>. (In Russ.)

Kurbatova M. V. Higher Education Reform as an Institutional Project of the Russian Bureaucracy: the Content and the Outcomes. *Mir Rossii*. 2016; 25(4): 59-86. (In Russ.)

Kurbatova M. V., Levin S. N., Sablin K. S. (2020). The “tripled failure” of institutional design of higher education reform in Russia. *Journal of Institutional Studies*. 2020; 12(4): 94-111. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111> (In Russ.)

Kwiek M. Academic top earners. Research productivity, prestige generation, and salary patterns in European universities. *Science and Public Policy*. 2018;45(1): 1-13. <https://doi.org/10.1093/scipol/scx020>.

LaBrenz C. A., Adeleke C., Garcia M. L. T., Pandolfi A., Mattioni M., Leal F. X., Nava M. “This Is Not Normal”: The Global Academy’s Resistance to Authoritarianism and Academic Capitalism. *Fast Capitalism*. 2025; 22(1): 39-48.

Oliveira T., Nada C., Magalhães A. Navigating an academic career in marketized universities: mapping international literature. *Review of Educational Research*. 2025; 95(2): 255-292. <https://doi.org/10.3102/00346543231226336>.

Park M., Leahey E., Funk R. J. Papers and patents are becoming less disruptive over time. *Nature*. 2023;613(7942):138-144. <https://doi.org/10.1038/s41586-022-05543-x>.

Poutanen M. Breaking bonds: How academic capitalism feeds processes of academic alienation. In: The Palgrave International Handbook of Marxism and Education. Breaking bonds: How academic capitalism feeds processes of academic alienation. *Cham : Springer International Publishing*. 2023: 71-92.

Rhoades G., Slaughter S. Academic capitalism, managed professionals and supply-side higher education. *Social Text*. 1997; 51:9–38.

Romanov E. V. Publication activity of Russian universities: from “academic capitalism” to “academic socialism”. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;2:100–115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115> (In Russ.)

Romanov E. V. Evaluation of the efficiency of Russian universities: Do we need to change the paradigm? *Obrazovanie i nauka=The Education and science journal*. 2021; 23(6):84–125. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-6-83-125> (In Russ.)

Romanov E.V. Evaluation of the effectiveness of Russian universities in addressing personnel development challenges. *Obrazovanie i nauka=The Education and science journal*. 2024;26(10): 12-47. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-10-12-47> (In Russ.)

Senashenko V.S. On the reforming of national higher education system. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2017;213(6): 5–15. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115> (In Russ.)

Slaughter S., Leslie L.L. Expanding and Elaborating the Concept of Academic Capitalism. *Organization*. 2001;8(2):154–161. <https://doi.org/10.1177/1350508401082003>.

Slaughter S., Leslie L.L. Academic capitalism: Politics, policies, and the entrepreneurial university. *Johns Hopkins University Press*. 1997; 296 p.

Somers P., Davis C., Fry J., Jasinski L., Lee E. Academic capitalism and the entrepreneurial university: some perspectives from the Americas. *Roteiro*. 2018; 43(1): 21-42. <https://doi.org/10.18593/r.v43i1.13088>.

Spinrad M. L., Relles S. R., Watson D. L. Not in the greater good: Academic capitalism and faculty labor in higher education. *Education Sciences*. 2022;12(12): 912. <https://doi.org/10.3390/educsci12120912>.

Stiglitz J. E. Participation and development: Perspectives from the comprehensive development paradigm. *Review of development economics*. 2002; 6(2): 163-182. <https://doi.org/10.1111/1467-9361.00148>.

Stiglitz J. Towards a new paradigm of development. In: Making globalization good. Towards a new paradigm of development (pp. 76-107). *New York: Oxford University Press*. 1998. <https://doi.org/10.1093/0199257019.003.0005>

Tambovtsev V.L. Validity of Russian science policy's instruments: what the world's experience says. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika = Science Management: Theory and Practice*. 2020;2(1):15–39. <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.1.1> (In Russ.)

Uspaeva M. G., Gachaev A.M. Modeling the financial stability of universities in Russia: analysis of the impact of government financing and external sources of income. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2023; 71(11-2): 212-219. <https://doi.org/10.25726/r3463-0520-5243-u> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 13.01.2026

Дата окончания рецензирования: 18.02.2026

Дата принятия к публикации: 22.02.2026

Информация об авторе

Романов Евгений Валентинович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и государственного управления, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Romanov Evgeny Valentinovich – Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare